

ФИЛОСОФИЯ ИЛИМДЕРИ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHY OF SCIENCES

Брусилковский Д.А.

**«СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» И «ДИАЛОГ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ»:
ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Брусилковский Д.А.

**«ЦИВИЛИЗАЦИЯЛАРДЫН КАГЫЛЫШУУСУ»
ЖАНА «ЦИВИЛИЗАЦИЯЛАР ОРТОСУНДАГЫ ДИАЛОГ»:
ФИЛОСОФТУК – ДИНИЙ (ИЛИМИЙ) АНАЛИЗ**

D.A. Brusilovskii

**«CLASH OF CIVILIZATIONS» AND THE «DIALOGUE AMONG CIVILIZATIONS»:
PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS STUDIES ANALYSIS**

УДК: 130.2:2 (575.2) (04)

В принципе классический ислам не проводит национальных различий. Ислам признаёт три статуса существования человека: в качестве «правоверного», в качестве «покровительствуемого» («ахл аль-зимма» – иудеи и христиане в мусульманском мире, они же «ахл аль-китаб», то есть люди Книги, держатели Писания) и в качестве многобожника, который должен быть истреблён или же обращён в мусульманство. Обратимся к мусульманской схоластической теологии – каламу (от араб. – беседа, речь). Калам раннего периода близок его буквальному значению диалога с противником (людьми Книги). Ярким примером является сочинение Иоанна Дамаскина «Спор христианина и сарацина», где домутазилитскому фатализму противопоставлен христианский принцип свободы воли. Сама тема предполагает междисциплинарный подход, а также следующие методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, диалектический и системный анализ, сравнительно-исторический и экспертный.

Ключевые слова: *межкультурный диалог, межрелигиозный диалог, межцивилизационный диалог, диалог культур, Западно-Восточное сотрудничество, толерантность, тюркоязычные народы, ценность, механизм, глобализация, джихад, конфликт, сосуществование, религиозное сознание, христианско-мусульманское сотрудничество, тюркская цивилизация, тюркоязычный мир, международные организации, международные отношения, «столкновение цивилизаций», изменение (веры), человеческое сознание, гуманизм, религиозный плюрализм, проблема общественного сознания, проблема индивидуального сознания, методика преподавания религиоведения, специфика, возможности и границы сотрудничества, междисциплинарный подход.*

Турушунда классикалык ислам улут айырмачылыгын жактабайт. Ислам адам жашиоосунун уч статусун тааныйт. Алар: “чыныгы динчил”, “баш ийүүчүлөр” (“ахл аль зимма” – жөөттөр жана мусулман дүйнөсүндөгү христиандар же, “ахл аль – китаб” – Китеп адамдары, Жазуу кармангандар) жана жок кылыныш же мусулманга айланыш керек деп эсептелген көп диндүүлөр. Мусулман-дык схоластикалык теологияга – каламга (арача –

баарлашуу, сүйлөө) кайрылалы. Калам өзүнүн баитапкы калыбында өзүнүн душман (Китеп адамдары) менен диалогго жакын болгон. Буга мисал: Иоан Дамаскиндин “Христианин менен сарациндин талашы” деген доому-тазилиттик фатализмге христиандык эрктүүлүк принциби каршы коюлган чыгармасы. Бул тема илимдердин мамилесин талап кылат. Ошондой эле анализ, синтез, индукция, дедукция, диалектикалык жана системалык анализ, салыштырмалуу тарых жана эксперттик методдор менен мамиле жасоо талап кылынат.

Негизги сөздөр: *маданияттар аралык диалог, диндер аралык диалог, цивилизациялар аралык диалог, маданияттар диалогу, Батыш-Чыгыш кызматташтыгы, толеранттуулук, Түрк тилдүү элдер, баалуулук, механизм, глобалдашуу, жихад, конфликт, биргелешип жашоо, диний аң-сезим, христиандык-мусулмандык кызматтыштык, Түрк цивилизация, Түрк тилдүү дүйнө, эл аралык уюмдар, эл аралык мамиле, “цивилизациялардын кагылышуусу”, өзгөрүү (диндин), адамдын аң-сезими, гуманизм, диний плюрализм, коомдук жана жеке аң-сезимдердин проблемасы, дин таанууну окутунун методикасы, специфика, кызматташуунун мүмкүнчүлүктөрү жана чектери, илим аралык мамиле.*

Basically, classical Islam does not hold national differences. Islam recognizes the three states of human existence: as a "true" as "protected" ("ahl al-dhimma" - Jews and Christians in the Muslim world, they are also "ahl al-Kitab", i.e. people of the Book or the holders of the Scriptures) and as polytheists, who must be exterminated or converted to Islam. Referring to the Muslim scholastic theology - Kalam (from Arabic.- Talk, speech)? We can see that Kalam of earlier period closes to its literal meaning of a dialogue with the enemy (people of the Book). A striking example is St. John Damascene's work the "Dispute between Christian and Saracen," where this kind of fatalism is contrasted to the Christian principle of free will. The topic presupposes a multidisciplinary approach as well as the following research methods: analysis, synthesis, induction, deduction, dialectical and system analysis, comparative history and expert analysis.

Key words: *intercultural and interreligious dialogue, dialogue between civilizations, dialogue of cultures, East-West co-operation, tolerance, Turkic language peoples, value,*

mechanism, globalization, jihad, conflict, coexistence, religious consciousness, Christian-Muslim co-operation, Turkic civilization, Turkic world, international organizations, international relationships, "clash of civilizations", conversion, human consciousness, humanism, religious pluralism, problem of social and individual consciousness, Religion Studies teaching methods, specifics, possibilities and limits of cooperation, interdisciplinary approach.

Если показать предыдущим поколениям наш сегодняшний мир, то все бы в один голос воскликнули: «Мы за диалог и толерантность!». Здесь необходимо учитывать, что всякий диалог невозможно ликвидировать, если предполагается движение с обеих сторон навстречу друг другу. Ведь диалог – это проведение дискуссий, специфическая форма межличностных отношений представителей различных политических, мировоззренческих и иных ориентаций, целью которого является сближение и взаимное обогащение сторон. Диалог предполагает признание равенства его участников, взаимное уважение ими взглядов и позиций друг друга, отказ от силового давления и иных форм принудительного воздействия. Он по своей сущности предполагает плюрализм мнений, ценностей и идеалов, идеологических и мировоззренческих систем. Дух диалога – это дух сотрудничества и взаимопонимания, он требует стремления понять позиции другой стороны и, поняв, постараться по возможности принять. Следовательно, у участников межкультурного и межрелигиозного диалога должна быть выработана установка на взаимопонимание и взаимную уступчивость. Вместе с тем одно из обязательных условий диалога XXI века состоит в том, чтобы каждый его участник отстаивал свои взгляды, а это в свою очередь, предполагает, что он не обязан отказываться от своих представлений, идеалов, ценностей. Участникам диалога следует четко представлять, что разделяет стороны, в каких вопросах не может быть места нейтралитету и где они принципиально не могут пойти на компромисс, уступить друг другу. Показательны в этом плане поучения двух мудрецов. Так, мусульманского мудреца спросили: «Как ты смог стать таким милосердным?» И он ответил: «Я никогда не наказывал человека, не сделав всего возможного для примирения». Разумеется, необходимо верить в людей и обязательно наказывать зло. Индийский же мудрец на вопрос: «Какая страна самая плохая?» Ответил: «Та, в которой нет изобилия и мира».

Великий философ Платон был создателем уникального жанра – философского диалога. В этом жанре написано почти всё, что он оставил. Считается, что имя «Платон» дал мальчику один из учителей из-за широких плеч, а от рождения его звали Аристоклом. В своём диалоге «Теэтет» Платон пишет: «Если тебе нравится путь вопросов, спрашивай, ибо разумному человеку следует не избегать этого, а всячески это поощрять. Но соблюдай одно правило: пусть твои вопросы не будут обидными. Верх непоследовательности – заяв-

ля о своём стремлении к добродетели, быть несправедливым в своих рассуждениях. А несправедливость получается тогда, когда забывают, что по-иному строится спор, по-иному рассуждение. В первом случае допустимо и подшучивать и сбивать с толку, чем и как только можешь, во втором же следует рассуждать серьёзно, поправлять своего собеседника, указывая ему лишь на те промахи, которые он допустил по своей вине или по вине своих прежних учителей. Если ты будешь поступать таким образом, то в своих недоумениях и затруднениях твои собеседники будут винить не тебя, а лишь себя самих и будут искать твоих бесед и твоей дружбы, разлюбив себя и убегая от самих себя в философию, чтобы стать другими людьми и покончить с тем, чем они были прежде» [2, с. 571–572].

Если предполагается, что диалог имеет эффект трансформации, о котором говорил древнегреческий философ Платон, то было бы полезным поразмыслить о преодолении пропасти между другими и собой, вместо более распространённой фразы «я и другие», поскольку межкультурный, межрелигиозный диалог, диалог цивилизаций – это не средство навязать себя остальным, а наоборот, принять их. Диалог требует приглашения, и мусульманам религия даёт более чем достаточные инструкции относительно правил (ādāb) приглашения гостей и оказания им гостеприимства. В диалоге, однако, мы одновременно являемся гостями и хозяевами. Другой приглашает нас к участию в пире его собственных идей, ценностей и стремлений, а мы приглашаем чужака к нашим. Когда мы слушаем, мы должны соблюдать правила поведения гостя, а когда говорим – правила поведения хозяина. Это – дело очень деликатное, поскольку если хорошие манеры нарушены одним из участников, диалог прекращается. Известный доктор философских наук, профессор Мухаммад Легенгаузен написал замечательные предложения: «Диалог требует соблюдения приличий, демонстрирующего готовность войти в чужой мир с настоящим миролюбивыми намерениями. Цивилизации могут производить и подражать, экспортировать и импортировать, но при этом не раскрывать свои сердца для диалога» [1, с. 19].

По словам автора книги «Религиозное сознание», профессора престижного Уильямс – колледжа, Джеймса Пратта, «религия – есть дело всей тотальности человека, при этом она в очень значительной степени определяется расовым и личностным прошлым, идеями которые были впитаны и перед которыми поклоняются сейчас, и чувством глубокого уважения к традиции, ... и всё это в большой степени имеет корни в пространстве разума» [6, с. 63]. М. Легенгаузен также отмечает, что «в современном мире люди не являются продуктом одной цивилизации, равно как от них этого и не требуется. Диалог между цивилизациями, имеющий место посредством диалога между индивидуумами разных цивилизаций, не только состоит из диалогов

между различными мыслителями, обсуждающими широкий круг проблем, но это также – и диалог, растянутый во времени между поколениями... Мы не можем понять себя или наши цивилизации без понимания традиций, которые лежат в их сердцевине. Если мы хотим понять других людей или другие цивилизации, мы должны также исследовать их традиции» [1, с. 23, 27].

Прекрасное обсуждение вопроса по исламской цивилизации приводится во введении к книге Маршалла Ходжсона «Предприятие ислама»: «Я утверждаю, что современные исследователи слишком вольно обращаются со словами «ислам» и «исламский» как в отношении религии, так и общества и культуры, исторически связанных с этой религией. Я понимаю, что невозможно, да и нежелательно, проводить здесь чёткую линию, поскольку (и не только в исламе) отделение религии от всей остальной жизни означает частичную ее фальсификацию. Тем не менее, общество и культура, именуемые «исламскими» во втором смысле, совершенно не обязательно являются «исламскими» в первом. Не только группы людей в обоих случаях не всегда одинаково многочисленны (культура не была просто «мусульманской культурой», культурой мусульман) – многое из того, что сделали мусульмане как часть исламской цивилизации можно характеризовать только как неисламское, в первом, религиозном смысле этого слова. Можно говорить об «исламской литературе» или «исламском искусстве», об «исламской философии», даже об «исламском деспотизме», но в такой последовательности каждый все меньше и меньше говорит о том, что выражает ислам как веру» [5, с. 57].

Решение, предложенное Ходжсоном, состоит в том, чтобы использовать термин «исламский» говоря о том, что относится непосредственно к религии, а «исламизированный» (Islamicate) – для описания общества и культуры, в которых мусульмане и ислам преобладают или социально доминируют в некотором смысле. Определить нечто как исламизированное значит указать не на географическую область его происхождения, а на то, что следует из комплекса социальных отношений, в которых ислам был, или является преобладающим, в особенности – когда речь идет о письменных традициях, укорененных в арабском или персидском языке, исторически характерных сообществам мусульманских народов, сообществам, включающим, конечно, и немусульман. Так, Маймонид может быть назван исламизированным философом и еврейским философом, но не мусульманским философом.

Когда мы говорим о диалоге с цивилизацией ислама, мы не говорим об идеальном обществе, предписанном исламом для человечества, но о том, что в действительности развилось среди мусульманских народов. Так что было бы лучше говорить об исламизированной цивилизации, пользуясь терминологией Ходжсона, нежели об исламской

цивилизации. Именно через диалог между цивилизациями мусульмане могут надеяться трансформировать современную исламизированную цивилизацию в нечто более похожее на цивилизацию исламскую.

Профессор Чикагского университета Маршал Ходжсон в книге «Предприятие ислама» («Путь ислама: сознание и история мировой цивилизации») пишет, что, говоря о великой цивилизации, мы имеем в виду, прежде всего, сознательно взращённое человеческое наследие», и в этом плане пророк Мухаммад был не только посланником Бога, правителем и воином, но и основателем великой цивилизации ислама, явившейся неотъемлемой и гармоничной частью духовного развития человечества в различных формах цивилизаций [5, с. 92, 95–99].

Профессор Густав фон Грунебаум, автор книги «Средневековый ислам», полагает, что «исламская цивилизация кажется всепоглощающей, на самом деле она высоко селективна» и стремилась найти во внешнем, культурном неисламском мире, методологии знания, помогающие сохранить идентичность в изменяющихся условиях» [4, с. 320–321].

Сэмюэль Хантингтон предлагал политический анализ современного мира как разделенного на несколько цивилизаций, обладающих различными религиями, историей, ценностями и индивидуальностью. Он описывает отношения между этими группами культур как столкновение цивилизаций, поскольку различия в ценностях и иных культурных факторах порождают конфликт. Он также рассматривает исламскую цивилизацию как основного противника современного либерального Запада. Он предлагает американским политикам прилагать больше совместных усилий для защиты и продвижения западной цивилизации. Книга Хантингтона привлекла значительное внимание и, в то же время, вызвала немало критики. Его разделение цивилизаций критиковалось как весьма произвольное. Его анализ также порождал обвинение в культурной, если не расовой, предвзятости. Его взгляд на историю подвергся атаке как неправильный. Наконец, его политические предложения были раскритикованы как идущие вразрез с национальными интересами США. Но нас сейчас заботит не детальное рассмотрение взглядов Хантингтона или то, в какой степени он или его критики правы в отношении того или иного частного спорного вопроса.

Один из наиболее интересных ответов концепции «столкновения цивилизаций» был сформулирован Президентом Исламской Республики Иран Сайидом Мухаммадом Хатами, который в своем обращении к 53-й Генеральной Ассамблее ООН 21 сентября 1998 года повторил свой призыв к диалогу цивилизаций и предложил, чтобы 2001 год был объявлен «годом диалога между цивилизациями». Хотя выражения «столкновение цивилизаций» и «диалог между цивилизациями» естественным образом представляются противоположными, пред-

ложение президента Хатами видится в образе гуманной альтернативы столкновению, эти идеи и в самом деле столь различны, что принадлежат к различным категориям.

Основной замысел теории столкновения цивилизаций – в объяснении происходящих конфликтов. Это – образчик политического анализа. Идея диалога между цивилизациями, с другой стороны, вовсе не является анализом. Скорее, это – предложение способа, каким мы могли бы встретиться с другими. Есть у теории Сэмюэла Хантингтона и другое слабое место: он противопоставляет христианство исламу, в то время как Западу противостоит не ислам как религия, а его наиболее радикальная ветвь в лице исламизма. Это, как мы уже уяснили, две совершенно разные вещи хотя бы потому, что исламизм – угроза не только иным цивилизациям, но и самому традиционному исламу. Справедливости ради следует все же держать в уме, что ислам остается после развенчания многих «измов» современности единственно реальным идеологическим противником христианского Запада.

Давайте еще раз обратимся к словам профессора Гарвардского университета о недемократичности ислама. Что, собственно, такое демократия? Ну, власть народа, это понятно. Однако следует в первую очередь учитывать более важный аспект: демократическая практика требует особо уважительного отношения одних к мнению других людей. Иными словами, необходимо осознать не только разумом, но и сердцем, что человеческое существо, пусть и живущее в другом месте и исповедующее другие взгляды, по меньшей мере, равно вам. На христианском Западе это уже стало, пусть и с огрехами, нормой жизни. В исламе также считается, например, что убийство человека равносильно «убийству мира». Очень правильно, между прочим, с точки зрения метафизического восприятия существования, поскольку представление об объективном мире мы субъективно получаем при помощи пяти данных человеку чувств и если они уничтожены, то и мир для данной особи уже перестает существовать. Однако, увы, эта кораническая точка зрения носит лишь теоретический характер и на практике нарушается, причем нетолько в отношении представителей других религий, но и единоверцев. Примеров – десятки тысяч. И вообще, в исламе нет ничего аналогичного призыву Иисуса Христа «Возлюби ближнего своего, как себя», хотя цитат о необходимости любить Аллаха в Коране предостаточно. Здесь, пожалуй, во имя истины следует признать, что еще полтысячелетия тому назад или около того христианская практика в этом вопросе также оставляла желать много лучшего. Конечно, есть разные точки зрения на данную проблему. Мы привели лишь одну из них. Главное помнить всегда, что нужен позитивный диалог и умение проявить гуманизм, терпимость к ближнему.

Христианский Запад воспитан на известной

формуле «Кесарево – кесарю, а Богу – Богово». Другими словами, церковь отделена от государства. Коран и сунны (примеры из жизни пророка Мухаммеда как образец для подражания) ничего подобного не предусматривают, а в хадисах (преданиях о словах и действиях Мухаммеда) даже существует формула «Султан – тень Аллаха на Земле», где «султан» понимается как власть вообще, а не отдельный конкретный правитель. Достаточно вспомнить об известном девизе современных «братьев-мусульман»: «Ислам есть религия и государство» или о мусульманских реформаторах прошлого века: «Ислам есть в равной степени духовное начало и социально-политический идеал». Следует тем не менее признать, что во многих исламских странах религия от государства отделена и там приняты вполне западные по духу демократические институты. Например, парламенты, как, скажем, в Египте, Ливане, Кувейте, Тунисе, Иордании, большинстве стран Южной и Юго-Восточной Азии. В других же они зачастую остаются «охвостом» исполнительной власти в лице отдельного правителя. Исламские ученые, да и общественность тоже признают, что на практике человеческая жизнь носит вторичный характер по отношению к какой-либо «высокой цели» – истинной или выдуманной правителями во имя обеспечения их узкокорыстных интересов. Что же касается религиозных фанатиков исламистского толка, то для них «шахада» (мученическая смерть за веру) превыше всего, а человеческая жизнь на Земле не имеет никакого значения, ибо «шахид» (погибший за веру) немедленно получает пропуск в райские кущи и сертификат на вечную жизнь [3, с. 33–35].

Конфликт цивилизаций? Этот, становящийся за последнее время все более сакраментальным, вопрос стараются уложить в основном в рамки противостояния между исламом и христианством, что, как представляется, не всегда верно. Нельзя не признать, конечно, что основные линии водораздела проходят именно между этими двумя религиозно-цивилизационными и культурными понятиями, но существуют и другие, скажем иудаизм, индуизм, буддизм и конфуцианство, с которыми ислам в соответствующих регионах вступает отнюдь не в союзнические отношения. И тем не менее в начале 90-х годов прошлого столетия с легкой руки гарвардского профессора Сэмюэла Хантингтона (ум. 27.12.2008), бывшего одно время руководителем отдела планирования госдепартамента США, противостояние между исламом и христианством стало превалирующей идеей при попытках объяснить корни кризисных явлений в мировой конфессиональной среде. В нашумевшей статье «Столкновение цивилизаций» в журнале «Форин афферс» от лета 1993 года профессор писал: «Исламская культура является основной причиной невозможности установления демократии в большинстве мусульманских стран». При этом за аксиому принимается

то, что демократия присуща только мышлению, основанному на христианских постулатах. Он предсказывал, что после окончания холодной войны в мировой политике будет доминировать конфликт между этими двумя мирами, который сформировался уже тогда (а на самом деле намного ранее) в явно обозначившихся разломах по линиям, разделяющим тектонические пласты цивилизаций [3, с. 27].

По-иному звучит мнение султана Омана Кабуса (февраль 1993 года): «Ислам по своей сути демократичен. Мы верим в равенство возможностей. Мы верим, что наши руководители, как светские, так и духовные, должны нести ответственность и перед Аллахом, и перед людьми. Мы верим в то, что граждане должны иметь возможность выражать свое мнение свободно. Это и есть дух ислама в его чистейшей форме».

До XVI века монархи Кастилии V называли себя «королями трёх религий» – христианства (католичества), ислама и иудаизма, проявляя, таким образом, конфессиональную толерантность. В принципе классический ислам не проводит национальных различий. Ислам признаёт три статуса существования человека: в качестве «правоверного», в качестве «покровительствуемого» («ахл аль-зимма» – иудеи и христиане в мусульманском мире, они же «ахл аль-китаб», то есть люди Книги, держатели Писания) и в качестве многобожника, который должен быть истреблён или же обращён в мусуль-

манство. Обратимся к мусульманской схоластической теологии – каламу (от араб. – беседа, речь). Калам раннего периода близок его буквальному значению диалога с противником (людьми Книги). Ярким примером является сочинение Иоанна Дамаскина «Спор христианина и сарацина», где домутазилитскому фатализму противопоставлен христианский принцип свободы воли.

Литература:

1. Легенгаузен Мухаммад. Современные вопросы исламской мысли. Пер. с англ. Т. Г. Черниенко. – М.: Феория : Дизайн. Информация. Картография, 2009. – 232 с.
2. Платон. Избранные диалоги. – Вступит. статья, составл., примеч. В. Е. Витковский. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2002. – 960 с.
3. Тыссовский Ю. К. «Крестоносцы» против ислама. Избранное: в 2 т. Т.1: Ислам между агрессией и смирением. Предисловие Л. И. Медведко. – М.: Грифон, 2011. – 384 с.
4. Grunenbaum G. E. von. Medieval Islam. – Chicago: The university of Chicago press, 1961. – 378 p.
5. Marshall G. S. Hodgson. The Venture of Islam. – Chicago and London: The university of Chicago press, 1974. Vol. I: The classical age of Islam. – 532 p.
6. Pratt J. B. The religious consciousness. – New York: The MacMillan company, 1959. – 488 p.
7. Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. – New York: Simon & Schuster, 1997.

Рецензент: д.филос.н., профессор, академик НАН КР Какеев А.Ч.